

А.Б.Абдулина
д.ф.н., профессор КазНУ им. аль-Фараби, г. Алматы, Казахстан
ms.abd@mail.ru

АРХЕТИПИКА СОВРЕМЕННОЙ КАЗАХСКОЙ ПОВЕСТИ

В плеяду современных писателей Казахстана, творчество которых отмечено и общеизвестно как высоконравственное и проникновенное, многообразное и уникальное в своей неповторимой индивидуальности образов, стилей, жанров и поэтики, заслуженно входит имя Абиша Кекильбаева. Статья посвящена малоисследованному аспекту – изучению глубинных архетипических пластов художественного мира выдающегося казахского писателя.

Ключевые слова: Литература, повесть, поэтика, архетип, вода, колодец

Казахская литература представляет собой яркое явление, в котором процесс приобщения к духовным ценностям и национальным традициям настойчив и выражен в творчестве таких писателей, как Абиш Кекильбаев, Сатимжан Санбаев, Олжас Сулейменов, Ауэзхан Кодар и многих других. В их творчестве очевидны и функционально действенны сложные архетипические составляющие кочевой культуры, благодаря чему зримо и отчетливо предстает духовная жизнь казахской нации, многовековая история которой получила оригинальное воплощение в искусстве. Истолкование поэтики казахской повести сквозь призму архетипически значимых образов позволяет увидеть многие существенные стороны национальной литературы современного периода, когда на стыке столетий и тысячелетий с особой остротой заявлена проблема национального менталитета, являющегося опорой в осмыслении самобытности истории и культуры казахов. Апеллируя к общепризнанным понятиям о фундаментальных архетипических категориях, рассмотрим повесть А. Кекильбаева «Колодец» [1] в соотнесенности к семантике и трансформации архетипа воды, помимо земли, огня и воздуха, одной из четырех космических первостихий. Она достаточно показательна именно с позиции отражения системы образов и действительности, репрезентирующей национальную сферу. Вода представлялась в различных мифологиях в качестве первоначальной субстанции, одной из фундаментальных стихий мироздания. В архетип воды соответственно входит целая система архетипических образов и мотивов, многозначно раскрывающих его общую семантику. Известно, что любая земледельческая цивилизация находилась и находится в прямой зависимости от орошения. Добыча воды всегда было делом особо важным. Во все времена вода добывалась тремя способами: первый – сбор дождевой воды; второй – реки, озёра, пруды; третий – колодцы. Если два первых способа добычи воды являются натуральными, природными, то третий способ является исключительно способностью человека. Поэтому, очевидно, что именно он был особо почитаемым. Многие архетипические смыслы стихии воды отражены в семантике её аватара – образе колодца, как источнике воды. Вера в целебную силу вытекающей из-под земли воды идет из глубины веков. Достаточно вспомнить существовавший у многих народов культ священных источников и колодцев. Предметом почитания в культе источника было именно само вечное и свободное истечение: "Источник – оттого что истекает из земли святая вода", – объясняет римский историк Варрон. Водам источников и колодцев приписывали свойства очищения, излечения от болезней, утоления голода. Вокруг них возникали места паломничества, куда, привлеченные легендами о чудесах источников воды, отовсюду стекались люди.

Таинство колодца соединяет в себе таинства земли и воды. Колодец связан с такими понятиями, как «глаз воды», обозначающий связь с прошлым, с миром мёртвых и поэтому имеющий волшебные свойства, кроме того, как жизнь, как путь сообщения между тремя стихиями – воздухом, водой и землей. Символическое содержание образа колодца – это реализация исходных смыслов архетипа воды, но и собственно

ассоциативные составляющие, в ряду которых спасение, жизнь, знание, истина, чистота, включая смерть через глубину – от глубины памяти до глубины земной могилы.

Номинация повести Кекильбаева «Колодец» прямо соотносена с главным идейным центром произведения. Акцентируя внимание на образе колодца, писатель, в то же время, не уносит читателя в фантастический мир устно-поэтического народного творения, которое заявляет о себе в завершении повествования, проделав тот самый жизненный путь легендарных преданий – от события к его вербальной сакрализации (имя колодца «Енсеппулген» – «Тот, где погиб Енсепп»). Повествование начинается с фразы, мгновенно определяющей рамки хронотопа событий: «В этот день Енсепп не знал, не ведал, что ему больше не суждено будет опускаться в эту преисподнюю...». [1,118] Так возникает интрига сюжета, выстроенного в плане развития событий одного рокового дня, перемежающихся чередой воспоминаний кудукши (колодцекопателя), которого вырытый им самый глубокий и многоводный колодец, как огромное чудовище, поглотит и лишит жизни. День, которых было в жизни Енсеппа много, и все они были связаны с его ремеслом – даровать людям жарких степей живительную воду, ничем не отличался от других. Начался он не с утра, а ближе к вечеру, когда спала жара, и можно было продолжать работу, начатую уже давно. Приемом ретардации, намеренного сгущения и замедления времени, автор подчеркивает странное предчувствие, испытываемое героем. Он, не торопясь, курит, набирает горсти песка и внимательно разглядывает их, слушает с досадой пустые переговоры помощников, размышляет о жизни бедняков в их бесконечном скитании по безлюдной и знойной пустыне.

Но его ждет нутро колодца, а зияющая пустота встречает неистовым холодом чрева земли. Кудукши добирается до дна и отпускает аркан, на котором спускался вниз. Кончик веревки, извиваясь змеёй, исчезает в ставшем крошечным, как игольное ушко, отверстию, за которым оставлен мир света и солнца. С этой секунды он вновь пленник каменного мешка, а страх – главное чувство, сравнимое только со стаей голодных волков, ждущих свою добычу. Но как только человек прикасается к земле, к нему привычно приходят тысячекратно передуманные мысли. И главная мысль – «опять-таки о колодцах – этих каменных могилах, да о своей обездоленной, бедной судьбе». [1,122] Откуда-то из закоулков памяти, по которым бродит душа, встают картины жизни и судьбы кудукши, отверженного от манящего благополучия аула и всю жизнь ищущего воду где-то далеко в бескрайнем степном просторе. Судьба его связана с водой, с мрачной бездной земли, нехотя отдающей её. Колодцекопатель столько раз испытывает её, столько раз подвергается опасности погибнуть, быть погребенным противоречивой стихией, знаменующей жизнь для людей, но несущей смерть посмевавшему открыть тайну рождения потока жизни. Вечные поиски воды становятся для юноши поисками смысла жизни, счастья, осмысления судьбы: «И что такое вообще счастье? В сознании гнездилась мысль, что настоящее счастье так велико, что его не замечаешь. Человек может изведать счастье только в молодости. А чем больше человек раздумывает о нем, домогается его, стремясь догнать на кляче времени, тем дальше убегает счастье. Да, это короткое слово вмещает в себя все, о чем только мечтает слабый человеческий разум. С момента, как человек начинает грезить о счастье, до той роковой черты, когда он уже теряет веру в него, сколько всего выпадает на долю людскую! Судьба без пощады нахлестывает своим бичом человека. Под градом этих ударов, исполосованный и окровавленный, он может достичь желанной цели – власти, богатства, славы. Но разве в них счастье?». [1, 130]

Образы поднимающейся со дна колодца бадья, наполненной грунтом через край, и рядом с ней Енсеппа, мысли которого в этот миг словно замирали, – поразительно точная ассоциация с философским контекстом размышлений героя и передачи его людям. Отсюда отвлеченно-философский лексический дискурс – человек, человеческий разум, время, людская доля. Уходит к свету бадья, иносказательно полная тяжелого груза мыслей, и героя вновь сковывает холод, «он садится на дно колодца потерянный, будто забыл начисто что-то жизненно важное. Воспоминания, обступившие его недавно, как

вода в половодье, разом исчезли». [1,131] И так, человек, каждый миг спорящий с силами природы за сохранение жизни, выполняет роль медиатора, которому дана возможность передать миру ту самую истину о смысле жизни, хранимую самой землей в водах изначальной мудрости (воспоминания уносит вода). Как только совершается это движение, его мысль останавливается, возвращается холод, во рту пересыхает (еще один признак отсутствия влаги), голова наливаясь тяжестью, на скулах возникают желваки, тоска тисками сдавливает грудь. Зримо нарастает напряжение, которое призвана снять понюшка табака. Чихнув три раза, Енsep чувствует, как воспоминания возвращаются. Теперь это весна, с её будоражающей кровью истомой, манящим зовом в неведомые края. И Енseпа вдруг охватывало смутное и неодолимое беспокойство, его грудь распирала какая-то горечь, он ощущал себя разбитым, при этом ему страстно хотелось бросить все, покинуть навечно убогую лачугу, прилепившуюся к зияющей яме колодца. Но он оставался и ждал лета, самого торжественного в скупой на радости, дремотной степи мига кочевья. И еще большим контрастом этой вольной цепи караванов и степи, покрытой сочной зеленью, предстает тусклая и беспросветная жизнь тех, кто роет колодцы. «Всей радости в ней – углубляющаяся с каждым днем дыра в чреве земли да возрастающая рядом куча грунта». «Енsep завидовал верблюдице, молоком которой он и его товарищи забеливали чай. Она свободно бродила по степи, на выпасе: они же, мученики, день-деньской, как кроты, ковырялись в земле». [1,135] «Но жить-то надо, говорил ему разум, а душа бунтовала: неужто жить – означает покориться безжалостной судьбе, что закинула тебе на шею грубую петлю? Раз и навсегда отказаться от высоких стремлений, светлой мечты и бессмысленно топтаться подобно верблюжонку на привязи вокруг железного кола, который вбил в тебя рок?» [1,136] Так, когда-то задумавшись о смысле жизни, Енsep стал кудукши, научился радоваться каменным срубам колодцев, переполненным чистой водой. Но при этом он обрел страх и ожидание непоправимой беды, глубокое разочарование от зависти и неблагодарности людей, испытал и успех, и забвение. Казалось, жизнь состоялась. Однако желание славы и исключительности сдает его душу и, в конце концов, приводит к гибели. В тот момент, когда ему казалось, что, наконец, его мечта возвыситься и прославиться близка, он одержимо вгрызается в камень приморских скал и, забывая обо всем на свете, неожиданно промахивается, а подхватившая его волна увлекает в пучину.

Таким образом, в художественном мире повести Абиша Кекильбаева колодец репрезентирован сложными смыслами архетипа воды – полисемического в своей сути, определившего ряд семантических нагрузок составляющих его образов (колодец, родник, море, пучина) и выполнившего структурообразующую роль для всего произведения. Судьба и события самого последнего земного дня колодцекопателя Енseпа связаны с водой. Если вода – источник жизни, то кудукши добирается до его сути, до дна и точки соприкосновения с самым сокровенным – чревом земли (философской Истиной). При этом он, как и все люди, должен во всем оставаться верным Истине и отличать подлинный источник от иллюзии, подлинные ценности от искусственных. Заявлен и еще один важный аспект темы – колодец, как глубинное погружение, погружение в память, воспоминания, в ушедшую юность, во время, и, наконец, уход в подземный мир, обладающий своими законами и магией притяжения. В художественном мире современной казахской повести архетип воды, реализованный в образах колодца, родника, волны, моря, пучины, выполнил роль сложного структурообразующего начала глубинной сути духовных исканий героев. Важной константой предпринятого исследования является возможность новой интерпретации основополагающих нравственных проблем казахской литературы, связанных с аксиологией национального самосознания, особенно востребованной в аспекте осмысления двух десятилетий независимости Казахстана.

Литература

1. Кекильбаев А. Повести. – М., 1983